

Гвардии рядовой С.Гейченко

*«...Готов ко всему, всем и всяческим
случайностям и смерть мне не страшна...
До свидания, а не прощайте».*

(С.Гейченко, из писем к родным. 1943)

**С.С.Гейченко при получении звания
«Почетный ракетчик».**

В нашей стране и за ее пределами Семена Степановича Гейченко знают как уникального музейного работника, талантливого писателя и интересного рассказчика. Почти 50 послевоенных лет он прожил в Михайловском, отдавал свои знания и энергию делу восстановления заповедных Пушкинских мест от фашистской разрухи, созданию музеев-усадеб и Домов-музеев, прославлению памяти А.С.Пушкина, привитию любви к поэту и пушкинским местам юному поколению. Однако мало кто знал о Семене Степановиче как об участнике Великой Отечественной войны. Об этом - наш рассказ.

Смирнова Эльза Валентиновна - директор Псковской областной детской экскурсионно-туристической станции в 1970-1988 гг.

Наше сотрудничество с С.С.Гейченко началось в 1971 г. Нам приходилось часто общаться с ним по вопросам подготовки и проведения разнообразных форм работы на базе музея-заповедника с активистами пушкинских уголков и клубов, школьных музеев, с юными туристами-краеведами, добротами и их наставниками. Вопросы о его участии в войне мы не затрагивали. Не говорил Семен Степанович на эту тему и с юными слушателями, они тоже не задавали вопросов, хотя постоянно видели его полупустой рукав. А он свои встречи превращал в театр юного зрителя. По воспоминаниям бывшего юного доброты из Великих Лук Владислава Васильева, темами разговора постоянно были: Пушкин, история и природа пушкинских мест, их восстановление из разрухи... Себя же Семен Степанович «никогда не выпячивал».

Впервые о С.С.Гейченко как об участнике войны мы узнали в июле 1979 г. на торжестве у Дома-музея А.С.Пушкина с участием военного духового оркестра. В тот день подписывалось соглашение о сотрудничестве между музеем-заповедником и дивизией ракетных войск стратегического назначения. Заповедник обязывался проводить для воинов беседы и экскурсии, а они - помогать в благоустройстве заповедных мест. После подписания соглашения и прозвучала краткая характеристика С.С.Гейченко как участника Великой Отечественной войны: оказалось, что он был рядовым минометного расчета, хотя в военном лагере готовился стать пулеметчиком, участвовал в освобождении от фашистских захватчиков Новгорода, 2 февраля 1944 г. получил пулевые ранения в левую руку и ногу. В госпитале ему ампутировали часть руки на уровне предплечья, ну а пуля в ноге стала «спутницей» его жизни. Реликвии воен-

ных лет бывшего гвардии рядового Гейченко нам удалось увидеть позднее. Торжество 25 июля 1979 г. закончилось присвоением бывшему гвардейцу звания «Почетный ракетчик» с вручением Знака, удостоверения и новой солдатской парадной формы. Выражая благодарность за это, Семен Степанович встал на колени перед Знаменем дивизии, поцеловал его, а через некоторое время появился в военной форме. На его голове ладно сидела пилотка, а на лице сияла необыкновенная с лукавинкой улыбка. Все его поздравляли, в том числе и мы с доброхотами. На память о той встрече осталось фото, которое, однако, не появилось в печати из-за секретности ракетной дивизии. Не было в газетах об этом и никакой информации.

Позже нам посчастливилось узнать некоторые подробности об участии С.С.Гейченко в войне. Было это в 1990 г. при общении с Семеном Степановичем как председателем возрождавшегося по его инициативе Общества друзей Пушкинского заповедника. (Директором заповедника с августа 1989 г. он уже не был). Мы обсуждали план работы секции детей и юношества этого общества и по заданию секции в Тямшанской средней школе Псковского района стали собирать материалы об участниках войны, связанных с Пушкинским заповедником. Одним из путей сбора материалов было заполнение ветераном анкеты. В свое время такие документы уже составлялись в ходе проводимой ЦК ВЛКСМ Всесоюзной поисковой экспедиции «Летопись Великой Отечественной войны». Оказалось, что С.С.Гейченко никогда такой анкеты не заполнял, и охотно согласился сделать это теперь, сказав, что приложить фотографию военных лет не может за отсутствием таковой.

Анкета явилась началом поисковой работы, т.к. содержала ответы на 17 вопросов. Ее мы получили от Семена Степановича в следующий приезд в Михайловское и стали с интересом ее читать, обратив особое внимание на раздел «Реликвии военных лет». В их перечне значились письма и открытки военных лет, справка из госпиталя, дневниковые записи, сделанные в госпитале, красноармейская газета и др. Сразу попросили принести

письма. Тут супруга Семена Степановича позвала нас к чаю, а узнав, куда и зачем ушел хозяин, Любовь Джалаловна с удивлением сказала: «Он никогда никому не давал эти письма». И вот они у нас в руках: из полевого лагеря - письма, с фронта - открытки, всюду отметки «Проверено военной цензурой». Стали бегло просматривать их. Они - как маленькие новеллы, в них тот же стиль, что и в будущих литературных творениях Гейченко. Подумалось, что Семен Степанович не рассказывал о войне, постоянно находясь в заботах о возрождении пушкинских мест. И вот, наконец, он не только разрешил читать свои фронтовые письма, но и позволил взять их с собой в Псков и сделать с них копии. А значит, их можно было использовать в рассказах о нем как об участнике войны. И вскоре в газете «Молодой ленинец» в преддверии XXIV Пушкинского праздника поэзии было опубликовано мое эссе об этом. Прочитав его, Семен Степанович ничего не сказал, и мною это было воспринято как одобрение. Тогда же я познакомилась с содержанием его дневниковых записей, сделанных в госпитале на оборотной стороне каких-то накладных.

Из писем, которые Семен Степанович писал из военного полевого лагеря, прежде всего следовало, что он был нежным и любящим сыном. Начинал он письма словами: «Дорогая и единственная моя мамуленька!». А было ему тогда уже 40 лет! Особое внимание привлекает письмо от 12 октября 1943 г., в котором Семен Степанович извиняется за долгое молчание: «Не писал потому, что вовсе не имею времени. Занят очень. Военная учеба полностью занимает мое время с раннего утра до поздней ночи. Хочется не только знать, что должен знать каждый боец, идущий на фронт. Но знать больше, чтобы идти хорошо знающим свое дело красноармейцем. Освоил пулеметное дело и стал теперь заправским пулеметчиком. Я никогда не думал, что сумею в кратчайший срок освоить бездну военной премудрости...» В этом проявилась целеустремленность и настойчивость С.С.Гейченко, что отличало его и в борьбе с послевоенной разрухой в заповеднике.

По состоянию здоровья он был признан к службе в армии непригодным, но вынес все

трудности предфронтальной подготовки во время пребывания в военном полевом лагере, о чем свидетельствуют строки писем: «...В тренировочных походах по окрестностям лагеря я успел пройти, наверное, более тысячи километров. Первое время очень страдали ноги, сейчас же мне стало легче, и все мне трын-трава. Сейчас ни переходы, ни сон под открытым небом - ничто не смущает». Перед отправкой на фронт будущий воин опять просил не беспокоиться о нем и сообщал, что их очень хорошо одевают: «...Завтра одеваемся в обносы, по-зимнему, и едем бить немцев. Одевают нас в поход очень хорошо и тепло и об этом не беспокойтесь... Ничего меня не страшит...»

На фронте Семен Степанович стал рядовым минометного расчета, хотя готовился быть пулеметчиком. Их минометный расчет был одним из лучших в полку, о чем сообщала и красноармейская газета. Так, 14 января 1944 г., перед наступлением на Новгород, газета «На боевом посту» в заметке «Высокое боевое мастерство» сообщила: «Хорошую слаженность и высокое боевое мастерство показал на смотре минометный расчет коммуниста сержанта Великжанина. В расчете все бойцы - участники неоднократных боев. Минометчики т.т. Соколов, Гейченко, Бузунов, Авизбердеев не раз из своего миномета били фашистов. Командир расчета Великжанин за боевые подвиги награжден медалью «За отвагу». Можно сказать, что и все минометчики расчета награждены этой медалью - самой высокой наградой рядового воина! Однако боевой путь гвардии рядового С. Гейченко скоро прервало ранение 2 февраля 1944 г. А до этого он чуть не утонул в Волхове. После ранения его сначала направили в полевую госпиталь, а затем в эвакуационную госпиталь № 834, где и находился с 4 марта по 14 апреля 1944 г. итогом стала справка следующего содержания: «По поводу отсутствия левой верхней конечности на уровне левого предплечья после пулевого ранения признан негодным к воинской службе в РККА».

В полевом госпитале Семен Степанович записал об увиденном в Новгороде: «20.01.44 я увидел Великий Новгород. Сердце наполнилось болью: ни одного целого

здания, все разрушено, сожжено и заминировано. Гады разрушили все, что дорого для русского народа...» Писал это не просто гражданин-патриот, а бывший музейный работник, занимавшийся охраной и пропагандой памятников истории и культуры. Занимался он этим и на фронте, за что бойцы называли его «академиком». В своем дневнике он описал состояние города и отдельных его памятников: «На месте кварталов неровное, покрытое снегом, черное от взрывов и копоти поле с горами кирпичей. Вечевая площадь напоминает кладбище. Софийский собор - великое, древнее творение зодчества, стоял перед нами полуразрушенный и сожженный. Гитлеровцы разграбили собор, его убранство, увезли иконы с иконостаса. Когда мы вошли в собор, то увидели много фашистских трупов, а в подвалах - фугасы и мины...» Саперы обнаружили к тому же, что трупы фашистов были заминированы.

В разминировании памятников Новгородского кремля участвовали саперы 12-й инженерно-саперной бригады Резерва Верховного Главнокомандования, которые затем разминировали Пушкиногорье. Семен Степанович встретился с ними уже в заповедных пушкинских местах, а пока что он продолжал записывать в дневнике: «...В таком же виде была и Грановитая палата - редкое по красоте здание, в котором проходила, в частности, церемония провозглашения присоединения Новгорода к Московскому государству. Единственное сооружение, сохранившееся в хорошем состоянии, был дом для умалишенных. Здесь остановился наш полк». «Дорогое для каждого русского сердца место - отсюда Александр Невский пошел со своим войском навстречу тевтонским рыцарям - в отместку за жестокое поражение своих предков на Чудском озере фашисты превратили здесь все в груды развалин...» - завершает он впечатления о Новгороде. Увиденное там оставило неизгладимый след в сердце Семена Степановича, и он без колебаний откликнулся на предложение президента Академии наук СССР С.И. Вавилова возглавить Пушкинский заповедник и возродить его из руин и пепла.

А до этого после выхода из госпиталя он съездил к матери в Тбилиси, где встретил-

ся и со своей будущей женой Любовью Джалаловной, а затем поработал короткое время в Пушкинском Доме в Ленинграде. Прежде чем дать окончательное согласие стать директором заповедника, он поехал туда. До Острова доехал по железной дороге, а оттуда шел по весенней распутице до Пушкинских Гор пешком. Был март 1945 г. Шла еще война, транспорта никакого не было, мосты были разрушены. Увиденное в Михайловском было настоящим потрясением. Много позднее он поделился об этом с писателем А.Ларионовым, который в книге «Заповеди блаженства» использовал слова Семена Степановича: «Много я видел на своем веку горя, варварства, вандализма. Оторопь берет. Ненависть закипает. Очень я тогда погоревал, о многом подумал, но прежде всего, кто я такой. Если же я сын своего народа, место мое здесь. Люди из деревень мятежно рвались в город, а я собирался там жить...». После всего увиденного С.С.Гейченко дал согласие возглавить Пушкинский заповедник. И все годы жизни в Михайловском война постоянно напоминала ему о бедах, которые принесла заповеднику и лично ему. Болела нога, в которой сидела пуля, напоминал пустой рукав... Но он всегда умел переносить трудности. Многие видели, как он ловко использовал левую подмышку для переноски планшетов, продуктов, в том числе коробок с конфетами, которые всегда брал перед встречами с юными слушателями. Угощение их вкусными конфетами в своем доме и за его пределами - одна из потребностей этого удивительного человека. По поводу отсутствия части руки он даже шутил. Бывший ученик Тямшанской средней школы Миша Яников подметил, что уме-

ние шутить - одна из черт характера С.С.Гейченко, и вспомнил, как вместе с одноклассницей (они учились во втором классе) они встречали Семена Степановича в вестибюле школы. По замыслу каждый из них должен был взять гостя за руки и провести на второй этаж. Его спутница взяла Семена Степановича за ладонь правой руки, а Миша растерялся, увидев вместо левой руки пустой рукав. Это заметил С.С.Гейченко, и тут же протянул правую руку с растопыренными двумя пальцами, чтобы каждый из встречавших его взялся за них. Все дружно заулыбались! Таким находчивым был Семен Степанович!

На посту директора заповедника С.С.Гейченко вместе со своими сподвижниками и при поддержке властей всех уровней, Академии наук приложил много усилий, чтобы восстановить все сожженное и разрушенное фашистами. Восстанавливать нужно было не только усадьбы, но и объекты природы, раненные осколками и снарядами вековые деревья, очищать заповедные места от мин. И не случайно, что на первом послевоенном празднике почетными участниками его были воины, разминировавшие заповедник. Семен Степанович встречался с теми, кто участвовал в его освобождении, записывал воспоминания, а затем использовал их в своих книгах о Пушкиногорье. Таким был гвардии рядовой минометного расчета С.Гейченко, которому позже, как «Почетному ракетчику», было присвоено звание сержанта. А в музейной работе он всегда был Генералом! И не случайно в год его 80-летия С.С.Гейченко, первому из музейных работников в стране, было присвоено звание Героя Социалистического Труда.